

"Кольцевание" зимняка в Лапландском заповеднике

татарина, видевшего во сне кисель) взял ружье и пошел искать *Caradrius*, ов, но т. к. я слишком устал вчера, то предпочитал не исхаживать тундру, а тщательно выслушивать куличков.

Склонен думать, что это начало их пролета, зато видел много коньков и пару несомненно *Otocoris*; к одному я подошел очень близко (за камнями) и, хотя он моментально улетел, увидел большое черное, полулунное пятно на белом горле.

Я был в очень ленивом настроении после вчерашней гонки (и утренней охоты с добычей в виде 2 ведер воды из ущелья), ничего не делал и занялся определением расстояния до Хибин с помощью бинокля, секундомера и маневрировавшего паровоза, получил 12 определений промежутка между выходом пара в свистке и звуком, в среднем 17.3 сек (крайние пределы 18.1 и 16.6 сек, а за ними – 17.7 и 17.0 сек), что дает, предполагая скорость звука равной 330 м/с, дистанция в 5-7 км ($t^{\circ} - 16.6^{\circ} C$, при окончании наблюдений в 16 ч.). Сегодня временами туман и морозящий дождь, почти тихо (ветер с разных сторон), прохладно (ср. $t^{\circ} - 8,6^{\circ} C$), я действительно обрабатываю наблюдения.

Вторник 2 сентября. 29-го я ходил в Хибины, где получил довольно скудную почту, открытки от папы и А.П. (им я отправил 1 письмо всем). Путешествие мое было весьма своевременным, т. к. на следующий день шел дождь, за ночь выпало 3.2

мм, да днем + ночь на 31 августа – 16.8 мм, а за все сутки – целых 18.1 мм! Пока ветер был переменчив, было еще ничего, хотя температура быстро падала, но вот с вчерашнего утра подула "морянка" и ночью достигла 15 метров – меня сильно выдувает и приходится топить по нескольку раз в день. Как хорошо, что я успел всем запастись!

Вчера средняя t° – была $+2.8^{\circ} C$, а сегодня еще холоднее (минимум ночью $+0.7^{\circ} C$), в 10 ч. 30 мин пошел ледяной дождь, а когда тучи немного поднялись, стало видно, что в горах (немного только выше меня) летит снег (или крупа). Метеорологические наблюдения были готовы еще вчера вечером.

Четверг 4 сентября. Вчера (с полудня) и сегодня солнечно, хорошая погода, но дует "морянка" и очень свежо: вчера утром было $+0.4$ (ночью даже до $0.2^{\circ} C$), а сегодня утром иней и $t^{\circ} - -1.4^{\circ} C$ при ночном минимуме около $-1.9^{\circ} C$. Вчера я ходил вниз, отправил почту (фенонаблюдения, метеорологические в Г.Г.О., письмо нашим и отпр. А.П.; от них получил одно письмо и 2 открытки от А.П.) и принес продукты. По пути обнаружил, что в тундре появилось много грибов (какие-то вроде подберезовиков, даже маслята и разные "поганки") и это несмотря на ледяной дождь и снежок! В лесу появились первые пожелтевшие ветви на березах, и в тундре началось массовое изменение цвета карликовой березки (*Betula nana*), притом, в общем, внезапно. Коньков по пути не видел, но в тундре близко видел 1 дрозда с белой бровью, но не *T.iliacus*. Внизу – множество белых трясогузок (*Motacilla alba*). После дождей все болотца набухли, озерки наполнились и ручьи повсеместно текут и в тундре, и в лесу (после прошлых дождей в середине августа только часть озерков наполнилась и ручьи, по кр. мере, в лесной зоне, не текли). Вернулся я в 19 ч. 45 мин. В тундре, несмотря на холод, в изобилии летают шмели, интересуюсь гл. обр. цветами золотарника (*Solidago*): да все другие, кроме еще вереска и единичных соссюррей (*Saussurea*) – отцветают.

Выйдя наружу в 21 ч. 40 мин, я увидел волшебную картину роскошного северного сияния; по всему небу протянулись пульсирующие, извивающиеся, меняющие оттенки и яркость фосфорические змеи. На юге, но уже близко к зениту, легла широкая, бледная, как млечный путь и неподвижная дуга, упиравшись в горизонт на востоке-северо-востоке и западе-юго-западе, ниже нее света уже не было; напротив, вся область зенита и к северу от светлой полосы зари над горами Монче-тундры и Часно-чорра была перерезана колеблющимися, иногда чрезвычайно яркими драпри, составленными из расположенных вертикальных лучей, наиболее широких и ярких, как бы усеченных снизу и постепенно утончающихся и бледнеющих, уходя в высь. Помимо того, что вся лента извивалась, как живая, отдельные лучи то укорачивались, то удлинялись, то бледнели постепенно, то вспыхивали ярким, желтовато-зеленым пламенем, причем б. ч. можно было заметить, что

основания их имели красноватый оттенок. Иногда вершины лучей острями направлялись в зенит. Яркие ленты эти также вытягивались параллельно дуге, причем именно около горизонта появлялись наиболее яркие, хотя и небольшие, эфемерные сгустки света, а наверху свет был все же более рассеян. Я не мог удержаться от соблазна и сделал 2 снимка, конечно, при полном отверстии (с табуретки), один на запад, с экспозицией в 1 сек, другой с выдержкой на восток (ок. 20 сек., я держал затвор открытым, пока форма не стала резко меняться). Я склонен думать, что это первое бесспорное сияние виденное мною, но далеко не обычное по силе.

Между прочим, концы занавесей к горизонту часто имели вид точь-в-точь как на фотографии Stormera (1911г.), приведенной в "Климате и погоде" за 1926 г. Сквозь дугу я ясно видел звезды 1-ой величины, но не помню, какие именно, вероятно, одна из них была Вега, насчет занавесей не заметил. Сегодня весь день смог, термометр показывал ниже 0° и часто налетали тучи со снегом, гонимые "морянкой", к 21 ч. достигшей 12 м/с, т. ч. наблюдения я мог сделать, только окутав фонарь мешком. Ср. t° оказалась – 0.4°C. Замечательно, что "хвосты" снега из туч не достигали земли и в долине Лутнермайока виден был яркий конец радуги при снегопаде, ясно, что снег таял по пути.

После полудня я прошелся, в надежде раздобыть дичи, по западному ущелью, прошел не торопясь все, снял 2 фотографии, но ничего не встретил, только раньше еще вдали заметил, вероятно, Otocoris. На обратном пути, поднимаясь от нижней части ущелья со сломанными лыжами на плече, поднял беляка, он отбежал недалеко и сел, присев на задние лапы и поднявшись; я свалил с себя ношу, взвел замки и уложил его наповал № 4 из чона в 55 шагах, соверш. чисто. Лучше было бы спугнуть его, но тут уж не до красоты выстрела, когда есть нечего! Заяц оказался очень крупным, с русака пожалуй, по видимому >. От русака отличается ровным (не курчавым) мехом, менее темными концами ушей и белым хвостом, также меньшей разницей в длине ног и однообразной буро-серой окраской спины.

Ко мне приходили гости – метеорологи (один из них – "актинометрист" Влад. Серг.) Они принесли мне почту: письмо от папы от 1.09, открытка от А.П. (1.09) и записка от Кирилла.

Папа очень заинтересован моими наблюдениями 25.08, особенно в связи с ливнем 24 августа, в Ленинграде давшим 59 мм осадков (!) и говорил об этом с некоторыми метеорологами, м. пр. Каминским.

Кирилл сообщил сенсацию: пропал в горах С.С. Ганешин несколько дней тому назад. Организуются поиски, Бартольд (очев. Е.Ф.) уже ушел, сам Кирилл собирается завтра. Очень прискорбный казус.

Суббота 6 сентября. Все время морянка, холодно, проносятся рваные дождевые облака и часто идет снег, но только к утру накапливается тонкий слой, а потом все стает. Вчера средняя t° – +0,1°C

при крайних – -1,8°C и +2,3°C; в таком же роде и нынче.

Вчера утром у меня останавливалась экспедиция, отправлявшаяся на поиски С.С. Ганешина., в составе 6 человек, всех их я знаю в лицо, но не всех по имени (Е.Ф. Бартольд, К.Я. Ратнер, второй ихтиолог – Микулин, один из агрономов – Киселев, бывший у меня 24 июля, и Кирилл). Кириллу я дал бинокль.

Сегодня я просматривал в отношении влажности все наблюдения нашей станции и самый поразительный случай нашелся 5 апреля 1930 г, когда влажность, судя по таблице, упала до 0% при абсолютной – 0,03 мм. Я произвел вычисление точнее и получил 1% и 0,05 мм. Это уже крайне редкий случай, насколько я знаю. Самая низкая влажность наблюдалась в Сокото (Нигерия; данные из № 3 "Климат и погода" за 1927 год) 1.03.1925 г., когда она достигла 2%. Причем проверено, что в Сокото зимой совсем не выпадает осадков, в это время дуют ветры из Сахары и дожди начинаются с середины марта. С другой стороны ("Климатический календарик" Укрмета на 1928 год, критика его в "Климат и погода" № 5-6 за 1927 год), в Одессе 26 мая 1924 г. в 23 ч. гигрограф записала влажность 2%. Если эти случаи действительно рекордные, то Хибины побили все рекорды!

О.И. Семенов-Тянь-Шанский взвешивает пойманную щуку

В моем "источнике" вода не замерзает, все-таки она проточная. После дневного наблюдения я отправился с ружьем на отрог Тахтар-вума за южным ущельем. Хотя солнце б. ч. скрыто было разорванными тучами, мне удалось произвести 4 снимка (из них 3 – с выдержкой от 1/5 до 1 сек, при аппарате, установленном на камень: плаун-баранец (*Lycoperidium Selago*), вид в ущелье, перерезающем отрог поперек и вид на вершину Тахтар-вум-чорра. Тундровое озерко снято с руки, но уже без фильтра). Спустившись еще ниже красивого ущелья, я услышал голос куропатки и, обернувшись, моментально взял ее в 22 шагах, это петух; непонятно откуда он взялся, т. к. на этом месте я стоял уже минуту и ничего не заметил, очевидно, таился: вот почему они так редко попадают. После *L. mutus* я видел только одну небольшую птичку. Вернувшись домой круглым путем, обойдя ущелье (южное) по верховьям и пришел в начале 7-го часа.

Явно улетели кулики, и вероятно, *Anthis*. Ратнер думает, что это – *A. Cervinus*. Погода не из приятных, ср. t° – $-0,4^{\circ}\text{C}$, ветер с северо-северо-востока (ок. 10 м/с), временами снег.

Вторник 9 сентября.

Последние два дня погода была сиверная, дует упорная "морянка" (б.ч. северо-восток), пасмурно, снег, крупа, метель, вечером 7-го ветер достиг силы бури, по крайней мере 25 м/с, я едва мог идти против ветра, но наблюдения все же сделал, замотав фонарь мешком. При всем том ветер крайне порывистый и каждый порыв отмечен на ленте барографа вертикальной чертой вниз. Понятно, я никуда не ходил. т. к. температура немного ниже 0°C , летит тонкий снег, тающий днем, когда t° на несколько часов становится положительной. Сегодня с утра солнце, почти ясное небо, только С1 на юге и на севере все горы покрыты слоистыми облаками.

Вчера я занимался исследованием случаев малой влажности, оказалось, что они все наблюдались при медленном падении барометра (2-й раз при высоком давлении, 1-й раз при нормальном), и при высокой и повышавшейся температуре. Кроме того, оципал тундряную куропатку (*Lagopus mutus*), это действительно оказался петух, очевидно, старый. Зоб полон листьями голубики (*Vacc. uliginosum*) + несколько ягод. Листья б. ч. обломаны не по че-

решку, а по основанию. Вся верхняя сторона, шея, голова, боковые контурные перья (под крыльями) и средние кроющие основной половины предплечья (начиная с 4-го второст. махового), а также большие на полете – серые; перья темно-серые с пыльными, светло-охристо-сероватыми поперечными струйками, к концу крыла более белыми, причем отдельные перья есть только с широкими, поперечными полосами. Вся нижняя сторона (кроме боков) белая, маховые и остальные верхние кроющие крыла также белые. Рулевые черные, боковые с белым основанием наружного махового и все – с белым концом, едва заметным на крайних. На зобу

перья смешанные, серые с молодыми белыми, такие же перья попадают на шею, на спине и у плечей, по б. ч. еще не видны. К голове струйки шире и рыжее. Бровь суриковая, клюв серо-роговой.

Сегодня собираюсь вниз. Питание превосходно, каждый день зайчатины в разных видах.

22 ч. Недавно вернулся из Хибин, а перед тем, как я туда пошел, ко мне приходили гости, 5 человек. От них я узнал, что тело С.С. Ганешина найдено, по-видимому, еще 7 сентября, о чем вчера была телеграмма. Пропал он еще 30 августа. Очень его жалко – такая несчастная судьба.

По пути видел дроздов, в Хибинах – трясогузку белую и конька (*Motacilla alba* и *Anthus cervinus*). В лесу началось массовое пожелтение осин и берез, все ягоды

тронуты морозом (особенно заметно на костянике).

Получил 2 открытки от дяди Андрюши и письмо от папы и Юрика. Я отправил 2 письма, папе (с приложением таблицы наблюдений за дни с малой влажностью) и А.П.

Грибы в тундре – оказываются белые.

Среда 10 сентября. С утра все окутано туманом, за ночь осела изморозь, потом покрывшаяся тончайшим слоем гололедицы, но к половине двенадцатого туман разошелся, и остальной день было совершенно ясно. Около 12 ч. ко мне пришел в гости С.Ф. Бартольд с своей винтовкой. Он только недавно вернулся с Апатитов и рассказал мне все подробности трагической гибели С.С. Ганешина. Оказывается, он отправился с фотографическим аппа-

Ихтиолог Мария Владимировская проверяет контрольную сетку

ратом на подступающий к озеру Вудъявр край Тартарумчорра снять вид на станцию Академии Наук, через озеро. Однако очень скоро нашли тучи и пошел дождь. Ганешин к вечеру так и не вернулся. Когда организовали поиски, то почему-то предполагали, что он забрался очень далеко и т.д., не приняв во внимание, что в пасмурную погоду он и снимать не стал бы и просто поспешил бы домой, т. к. ушел налегке и не надолго: поэтому искали его долго и бесполезно, пока, наконец, не затребовали ищейку от ГПУ и, по-видимому, при ее помощи обнаружили его тело около самого озера. По-видимому, он сорвался со склона и сразу же разбился насмерть.

Замечательно, что после него пропал в горах еще охотник, фельдшер, но его ищут не столь ретиво. Сергей Федорович очень не прочь зимовать со мной на станции, но я уже отказался от зимовки здесь.

В 2 часа дня мы пошли поохотиться, встретили 4-х экскурсантов из Хибин, они сообщили, что за ними идут еще трое, из лесничества. Но погода была так хороша, солнечно, тихо и светло, что я предоставил им одним идти в мой "Эрмитаж" (по выражению А.П.), а сам предпочел охоту.

Мы шли по северному склону хребта и тут, в русле крошечного, уже пересохшего ручейка, С.Ф. Бартольд нашел свежие следы северного оленя (*Rangifer tarandus?*). Мы определили, что они могли быть оставлены около 1 сентября и не позже 4-го, он думает, что олень дикий. Потом, когда мы шли параллельно, довольно далеко друг от друга, из-под ели поднялась стайка в 5 или 6 *Lagopus mutus*, я моментально ударил, несмотря на громадное расстояние, и одна из куропаток сейчас же села: С.Ф. хотел добить ее, но промазал, затем стрелял я, положив ствол на камень, и попал в спину, выбрав много пера; однако, когда я подошел, птица собралась с силами и отлетела, тогда С.Ф. впел в нее еще пульку, но она поднялась и полетела к почти отвесному склону, поросшему мелкой березой пушистой (*Betula pubescens*) и пропала: я должен был добить ее на лету из своего "Sauega" и "проахал". А пульки – дрянь, (не long-rifle). Остальных куропаток мы так и не нашли и расстались около вершины Нездюрора: а меня уже ждали 2 из лесничих и организатор заповедника на Имандре –

Герман Крепс. Он пришел с делом, предлагает мне место наблюдателя в заповеднике, быть его помощником, кроме того будут три стороны: плата – 450 руб. + добавочные за спец. работу, а работа по наблюдению и изучению природы – наиболее мне по душе, и я очень хотел бы воспользоваться его предложением.

Суббота 13 сентября. Погода стоит хорошая, хотя и холодная. 11-го целое утро я чинил в последний раз сапоги, потом ко мне пришел некий москвич, как я потом узнал, был директор Межевого Института Кобозев, он очень устал и принужден был ночевать у меня. А на следующее утро начались его поиски и пришел И.Г. Эйхфельд: с обоими я очень приятно провел время. Эйхфельд смотрел мой гербарий (м. пр. он только 1 раз видел здесь волчье лыко (*Daphne*) и в гербарий не собрал; считалось, что граница его южнее), а Кобзев – любитель фотографии и геологии. Вчера утром я переписал составленные мною описания погоды в дни с нижней влажностью, написал письмо папе и потом пошел вниз: там получил от Г.Г.О. телеграмму: "Наблюдатели выезжают тринадцатого", значит, послезавтра придут. Кроме того, 2 открытки от А.П., 1 – от папы и письмо от него.

О.И. Семенов-Тян-Шанский за ловлей хариусов

Оказалось, совсем случайно, что мои статьи о наблюдении сложных гало (Петровка, 24 апреля и 7 июля 1929 г.) напечатают в виде одной заметки (очевидно, урезанной до последней степени...) в № 2-3 "Климат и погода" за прошлый год.

Г.М. Крепса я застал в Хибинах, уславливался с ним, и написал у него еще письмо А.П. и папе: я прошу их телеграфировать мне согласие, и тогда я немедленно, не позже 20.09, выезжаю к ним повидаться, закончить дела с Г.Г.О., произвести покупки, взять необходимые для зимовки вещи. Затем, около 1 октября, я прибуду сюда и перееду в Чуну-тундру.

По пути туда, на склоне вершины Нездюрора, поднял беляка. Сегодня ходил охотиться (утром я готовил таблицы наблюдений) в той стороне, исходил всю террасу (пожарище, с белыми камнями, это те же сиениты, но почему-то изменили цвет) и буквально ничего не встретил, даже маленьких птичек нет, а 10 сентября их было порядочно. В том числе изредка и конек (*Anthus*). В тундре ничего не цве-

тет: золотарник (*Solidago*) обсеменяется, также и соссурея (*Saussurea*), а более ранние виды почти все обсеменялись, но например, диапенсия (*Diapensia*) только начинает раскрывать коробочки. Карликовая береза и береза пушистая (*Betula nana* и *B. pubescens*) в тундре пожелтели приблизительно на половину.

Вчера собрал еще основные виды лишайников вокруг станции в гербарий. т. обр. ликвидирую здесь постепенно все "хвосты".

10 и 11 сентября вечером, несмотря на полную луну, низко на юго-востоке, на севере и северо-западе наблюдалось сияние, первый день драпри, но только одно и низко, на второй – дуга, временами исчезающая.

16 сентября. Пасмурно, туман, дождь. Пока я укладывал чемодан, Кирилл привел 2 новых наблюдателей. Сегодня же я успел сдать новому зав. станцией весь инвентарь.

17 сентября. Ночью и утром шел тающий снег, днем погода немного улучшилась, но было очень мокро. Все же я сделал *tour de force* и перенес все вещи вниз, причем первый рейс прошел с чемоданом и вторым наблюдателем по зимней дороге, где должен был найти и показать ему керосиновую бочку в лесу. С первых

же шагов я совершенно промочил ноги и, хотя t° была достаточно близка к 0°C , оставался в таком виде целый день. Наверх помог им в доставке продуктов, а вечером снес остальные вещи.

Второй наблюдатель оказался весьма неудачным, нашел, что жить здесь невозможно и решил вернуться в Ленинград.

По пути я отметил значительное (на 3/4) пожелтение берез и осин в лесу и полное изменение цвета листвы тундровых кустарников: *Betula nana*, *Betula pubescens* и *Arctous alpina*, последний вид особенно эффектен будучи сплошь окрашен в густой буровато-пурпуровый цвет, но окраска обеих берез (в этом только году?) сравнительно тусклая; все же склоны гор приобрели общий красный оттенок. Цветов почти совсем нет, только кое-где доцветают колокольчики круглолистные (*Campanula*

rotundifolia).

18 сентября. Весь день я провел внизу, утром помогал Кириллу в уборке микроскопических снопов урожая с делянки, т. е. мы привязывали к ним этикетки, косили и взвешивали их, а три женщины жали серпами. Погода была неважная, морянка (9 м/с), из туч временами шла крупа.

После обеда на Хибинском опытном поле наблюдатель Влад. Серг. и я решили покататься на лодке и пройтись с ружьями по длинному и узкому Избяному острову, вытянутому параллельно бере-

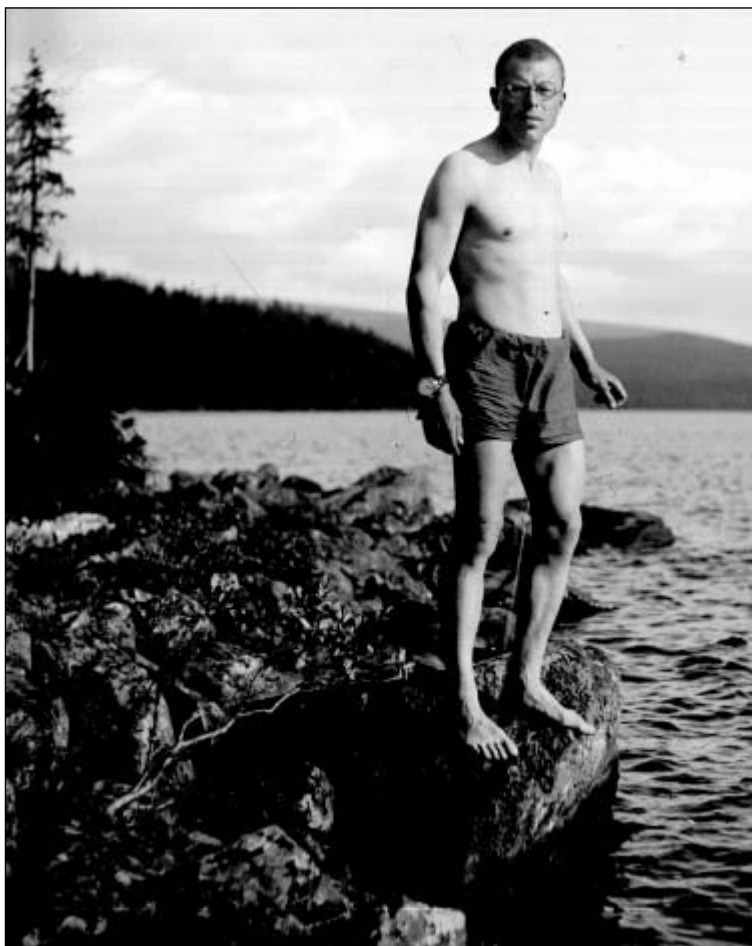
гу против Хибин, причем для обратного пути мы поставили парус. Остров покрыт еловым лесом и внизу густо зарос гл. обр. черникой и вороникой. Береговая полоса выражена характерно: сначала кусты ольхи и ивы с пышной травой между ними, потом лента злаков и осоки и пояс почерневших валунов, об которые разбивается прибой. Из живности мы видели только одну сороку и стайку чаек, В.С. с горя убил двух чаечек, причем первую найти не удалось.

По временам шел тающий снег, а в лодке была вода, и мы изрядно промокли. Вечером было северное сияние в просветах

облаков, начавшееся замечательно рано, сейчас же после заката солнца при еще голубом небе. Лучи и занавеси хотя и не были так яркие как 3 сентября, но цвета их переливались. Эти две ночи я провел у Кирилла.

19 сентября. Я все еще не терял надежду перед отъездом поохотиться с Е. Бартольдом, но погода была безнадежна, и я занялся укладкой вещей и ликвидацией дел в Хибинах; часть вещей я просто оставил на опытном поле и взял с собой в чемодане гербарий, негативы и самые необходимые вещи, а также 2 снегомера, ружье и аппарат. В 21 час я сел на поезд.

20 сентября. Хотя мне удалось выспаться в вагоне, утром я чувствовал себя неважно, по-видимому, 17.09 не прошло даром. В Кеми я пошел в буфет пить чай, там было очень много народа, и я

О.И. Семенов-Тян-Шанский проверяет на себе действие "комариной мази"

никак не мог дотолкаться: кончилось тем, что я бросил это бесплодное занятие и вышел. Поезд уже ушел... Так как в вагоне остались, разумеется, все вещи, причем сумка с аппаратом отдельно от чемодана (так же, как и ружье), да и билет был у проводника, и при мне остались лишь деньги и документы. По совету дежурного по станции я послал телеграмму на следующую станцию (Сорока), в ГПУ, с просьбой снять вещи и оплатил ответ, после чего стал ждать следующего поезда, отходящего из Колы в 17 ч. 10 м. За несколько минут до отъезда пришел ответ из Сороки, что вещи не сняты, поэтому дежурный по станции передал мою просьбу своему коллеге в Масальской, я взял туда билет и поехал; там я получил свои вещи в полной сохранности (за исключением билета) и успел тут же взять новый билет до Ленинграда.

21 сентября. С утра была совсем хорошая погода при 22° круге в перисто-слоистых облаках (вечером 20.09 было почти ясно), но облака постепенно становились плотнее, и к вечеру закапал дождь, т. ч. в Ленинграде я застал погоду "veritable Peterbauergien". Почти 2 суток ничего не пил, т. к. в других буфетах была та же картина, что и в Кемии, и питался только захваченным с собой хлебом. В поезде я занимался вычислением разности высот нижней и верхней Хибинских станций, применив формулу Бабинэ, получил абсолютную высоту горной станции – 760,4 м.

16 октября 1930 года. Сегодня я приехал в Хибиньы с опозданием на несколько часов, т. к. в пути поезд несколько раз задерживался. Закупая различное снаряжение для зимовки, я приобрел винтовку бокового огня "ТОЗ" с 1900 патронами и благодаря этому получил желанную возможность отдать Sauer в основательный ремонт - устранение осечек и качки стволов. Для фотографии я взял аппарат 4,5 x 8 и закупил к нему штатив, пластинок 10 коробок, проявитель в патронах, кюветы и прочее. Прибавил кое-что из одежды и взял самые необходимые книги во главе с Мензбиром. На станции я встретил лесничего и узнал от него, что Г.М. Крепс в Хибинах, почему я сразу отправился к нему на квартиру.

В тот же день Г.М. Крепс устроил поездку в Монче-тундру на парусно-моторном боте "Переселенец" с целью познакомиться с местностью, с живущим там лопарем-сторожем заповедника и захватить некоторые вещи. Выехали мы в 14 ч. (время теперь у меня "декретное", т. е. поясное с переводом стрелки на 1 час вперед: для перевода на солнечное следует вычесть 48 минут). Причем из служащих заповедника были трое, Г.М. Крепс и охранник Андрей Борисович Васильев и я, кроме нас были 2 "липовых" охотника, механик и рулевой.

Прибыли мы уже в ночную темноту и втроем расположились на ночевку в лопарской пустой избе, а остальные на боте: дом здесь только начат и из построек заповедника есть баня, а кроме того, лопарский поселок из 2 изб, несколько необычных для русского человека, форма их квадратная, потолок очень низкий, т. ч. под матицами мы принуждены были наклонять голову, сеной совершенно нет, а вместо печи – в углу из сланцевых плит сооружен "камелек", с трубой, лишенной даже заслонки (чем я особенно возмущался). Т. о. нагревание комнаты совершается гл. обр. за счет лучеиспускания. Тут же на железном крюке вешается котел. Цивилизация выражается в другом – наличии вилок, тарелок и тому подобной посуды. Стол и скамейки и кровать необычно низкие. Само собою разумеется, при таком оборудовании всю ночь мы дрогли, лежа на оленьих шкурах. Всюду лежит снег, с утра было ясно, солнечно и картина была замечательная, по Имандре гулял ветерок, поднимая легкую волну, но к ночи стало пасмурно и пошел снег.

О.И. Семенов-Тянь-Шанский фотографирует "ледяные цветы" на Чунозере

О.И. Семенов-Тян-Шанский отогревает новорожденного олененка

17 октября. Несмотря на северную погоду, т. е. тающий снег при ветре (в лесу последнее обстоятельство не имело значения) решили отправиться на охоту. Свой тройник Г.М. Крепс дал одному из стрелков (у другого была "Ижевка"), а сам вооружился маузером, у А.Б. Васильева курковая двустволка Sauega, у механика и меня – Moser,ы. На всю компанию была одна собака, лайка Г.М. по кличке Пират. Само собой разумеется, что вся окрестность тут покрыта лесом, за исключением небольшой просеки вокруг поселка на берегу залива; лес в основном еловый с примесью сосны и березы, местами сосна даже преобладает.

Насколько я могу судить, внизу много Ledum, но под снегом не все было видно. По снегу в изобилии беличьи следы, причем одну белку застрелил из Mosera, а механик, и это был наш единственный трофей, хотя дичи было много: по крайней мере, я был свидетелем 7 подъемов 3-х глухарей, причем первого видел в отдалении сидящим на сосне, а остальные замечались только на подъеме. Один был поднят мною со снега, из-под ели, когда я направлялся к его следу издали, и из дробовика я мог бы свободно его взять. Последний из виденных мною был поднят на сосну и подлян собакой, подходили двое (в том числе и я, как это ни стыдно!) и никак не могли увидеть птицу: я-то по крайней мере

молчал, а мой компаньон стал говорить, и глухарь слетел, поощряемый 2 пуделями (я совершенно непроизвольно выстрелил пулей). Кроме того, я наблюдал немного синиц (sp?) и несколько нырковых уток на заливе: по ним палили издали, совершенно бесцельно. Назад мы пришли, когда стемнело, ветер стих, но почти все время шел тающий снег.

19 октября. Эти дни мы занимались переселением из так называемого "Гоп'а" в квартиру помощника лесничего, ныне пустую. Перевозка вещей производилась А.Б. и много на карбасе. Вчера вечером Г.М. Крепс уехал на неделю в Ленинград. Погода б. ч. пасмурная, 18-го тихо, сегодня южный ветер и снег быстро исчезает. Г.М. получил сведения о переселении леммингов около Колы и командировал Васильева и меня туда для сбора материалов и сведений об этом явлении. Вечером к нашей квартире подсели 3 Lalbusa, А.Б. одну взял.

20 октября. Сегодня мы отправились в Колу, захватив ружья, провизию, одеяла, котелок и фотографический аппарат, формалин и т. д. Начало было неудачное: в Коле мы никакого помещения на несколько дней не нашли, оставили вещи на опытном поле, а сами пошли пешком в Мурманск (12 км), где нас также ожидало разочарование. Все же удалось на ночь устроиться в гостиницу.

Первые сведения мы получили в Коле от лес-

ничего Шапошникова (летом служившего в Хибинах). По его словам, пеструшка появилась в Коле недели 3 назад, переправляясь через р. Тулому с запада на восток, и в Коле можно видеть много трупов их, в чем мы немедленно и убедились, за этот день нашли штук 10. Я видел их впервые: ростом с обычную полевку (*Arvicola arvalis*), они имеют еще более короткий хвост, покрытый волосом. мех очень длинный и пушистый интенсивного ржаво-рыжего цвета с неправильной формы черными пятнами, причем развитие черного цвета колеблется в довольно широких размерах.

21 октября. Раз нам не удалось устроиться в Коле – остался один выход: провести несколько дней в лесах по р. Туломе, впадающей в Кольский залив у Колы, захватив с собой лишь самые необходимые вещи. Из Колы мы вышли в 13 ч. и попытались сначала переправить через Тулому на левый ее берег, но это не удалось, т. к. наступил отлив и все карбасы лежали далеко от воды. Уровень Туломы целиком зависит от приливов, почему мне все кажется, что это собственно еще не река, а еще продолжение Кольского залива. Кстати сказать, вчера и сегодня мы видели на заливе, б. ч. очень далеко, много птиц: чаек, гаг, бакланов и уток, а также головы 2 тюленей, но рассмотреть ничего не удалось, т. к. бинокль не был под рукой, поэтому все определения принадлежат Васильеву, который этим летом работал в Кольском заливе и на Ледовитом океане у Мурманского берега в экспедиции по изучению гаги.

Сначала мы шли по низкоствольному береговому лесу с подседом из можжевельника: этим ле-

Новорожденный лосенок. Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского

сом покрыты все хибинские окрестности Колы и рост его, я думаю, около 2-4 метров. Но по мере движения к югу можжевельника становится меньше и к вечеру стала попадаться ель отдельными экземплярами и группами, раза в два выше березняка. Снега всюду очень мало, но зато крайне сыро. На снегу много тропинок, очевидно, полуоттаявшие коридоры леммингов, но пока я этого не утверждаю, т. к. не могу ничем подтвердить. Пират задавил одного лемминга. Попадаются и закрытые коридоры в снегу. За день нашли 2 мертвых и растерзанных белых куропатки (*Lagopus albus*) и подняли 2 стаи и 3 отдельных экз., стрелять впрочем не пришлось.

Встреча О.И. Семенова-Тян-Шанского с юннатами из Апатитов на Чунозерской усадьбе Лапландского заповедника

На ночлег мы расположились под елями на берегу порожистой речки, впадающей в Тулому. День был пасмурный, временами моросило, но к ночи прояснило и обстановка была самая поэтическая: вокруг трещащего костра полный мрак, вверху, под силуэтами елей звездное небо с удивительным северным сиянием в виде светящихся перистых облаков и только временами появлялись короткие драпри и лучи обычной формы; во мраке ревет поток. Собираение дров и лапника для постелей отняло порядочно времени, но зато ночь мы провели хорошо и обсушились.

22 октября. За речкой лес сильно изменился, началось преобладание сосны на каменистых местах с березой и елью, а на сфагновых болотах (*Sphagnum*, морошка, *Ledum* и т. д.) в виде небольших одиночных деревьев. Утром подняли двух куропаток, А.Б. пошел за ними, а я снял на 3-х пластинах панорамный вид на Тулому с холма. Ценою трех выстрелов была добыта 1 белая куропатка (*Lagopus albus*). Весь день Пират ловил леммингов, выкапывая их из неглубоких норок под самой поверхностью в земле. Все пятна снега испещрены траншеями с пометом их, раз или два я находил трупы. Собака только давит леммингов, но не ест, т. ч. мы их брали, и когда выпотрошили на привале, обнаружили, что они были довольно жирны. Никакого переселения в настоящий момент не заметно, да и самое нали-

чие снежных коридоров говорит за то, что пеструшка живет пока оседло. Из птиц, кроме упомянутых куропаток, замечен ворон – *Corvus corax* (б. ч. только крик вдали), дятел трехпалый – *Picus tridactylus* (1 пуделя из винтовки по одному из них), кукушка (*Garrulus infaustus*) – два экз. в одном месте в осиннике, и *Poecile orealis*?, а б. м. какие-нибудь еще синицы? Из этих видов разве только могли мы охотиться на *Myodes lemmus*.

К вечеру мы достигли поселения Желлеса, расположенного в 8 км по прямой линии от Колы. Здесь нам удалось переправиться на левый берег Туломы на карбасе. По словам десятника из Желлеса, обильный ход пеструшки через реку наблюдался в одно тихое утро с неделю тому назад, а после того в ветренную погоду массы их гибли и наносы приливного прибоя усеяны их трупами (что замечено им вчера по пути из Колы пешком). Поднимаясь на красивый и дикий, усеянный валунами с коркой

светловато-зеленых лишайников и поросший соснами берег, я нашел экз. интересного папоротника (*Polypodium vulgare* L.) и приобрел первый трофей винтовки – овсянку (*Emberiza*), вероятно – обыкновенная (*E. citrinella*). Леммингов здесь не меньше, чем на правом берегу, и вся картина следов их жизни совершенно такая же; очевидно, при переселении часть экз. оседала в пути. До наступления темноты мы успели только подняться до в. высоко и расположиться на ночлег под соснами.

С дровами дело обстояло прекрасно, т. к. было много сухостойных сосен (одну, вершков 6 в комле, мы повалили с помощью только моего перочинного ножа), но воды не было, и пришлось топить снег. Весь день было пасмурно, а временами моросил дождь. По обеим берегам Туломы заметно изобилие брусники, при самых различных условиях леса. Здесь типичен сосновый лес на почве (невысокий, но несомненно старый, много сухостоя), покрытой ягельным ковром с брусничкой (*Vass. vitis idaea*, *Cladonia silvatica* и *coccifera*) и усеянной валунами.

23 октября. Перед оставлением нашего бивуака я снял фотографию его (1/15 сек при полном открытии, без ф., фокус на 5 м). Сегодня дождь шел чаще, чем предыдущие дни, и сапоги у нас были совершенно мокрые насквозь. Преж-

де всего нам пришлось спускаться в долину, причем два раза видели вдали глухаря, затем, уже внизу, я поднял 4 шт. куропаток. Дальше следовал постепенный подъем на холм, вершина которого носила тундровый характер – различные ягели и багульник (*Ledum*). Кругом мелкие березки, и обрывались они отвесными скалами.

Пока мы спускались по лощинке, Пират опередил нас и поднял стайку рябчиков, большая часть их (всего было 5 - 7 штук) моментально сгнули на елях и мы успели дать только 4 выстрела: А.Б. взял двух сидячих и промазал влет в нескольких шагах, я промазал по сидячему, что было крайне обидно. Рябчики были, конечно, смиренные. В зобах оказались исключительно сережки березы с бутонами. Вскоре после этого в ельнике на болотце собака подняла пару белых куропаток (*L. albus*): тут же я наткнулся в упор на сыча, сидевшего открыто на березке и убил его пулей, не сомневаясь, что это

О.И. Семенов-Тян-Шанский (1906-1990)

Nyctala lengmalmi, что потом и подтвердилось вполне. Затем Пират нашел беличий след и А.Б. свалил белку с ели: она уже вышла на "чистую", т. е. ее кожа стала сплошь светлой, тогда как убитая мотористом в Монче вышла только "на подпаль" и мех был довольно рыжий еще.

Пират все время охотился на пеструшек, причем горячился и лаял, но вот один раз мы услышали в ответ на лай не писк леммингов (более напоминающий писк синиц, чем мышей), а какой-то скрежет: Пират грыз край дупла в поваленной колоде, в нем сидел горностаи, страшно рассерженный и сверкавший глазами, с только что принесенным леммингом перед собой. Когда его удалось выгнать, он молнией взлетел на вершину ели, отсюда я его сбил пулей, пробив ему навывлет грудь: это был красивый, ослепительно белый и очень крупный самец. В дупле его было еще много меха леммингов.

После этого нам пришлось переправляться через порожистую реку, прыгая по камням; поиски такой переправы заняли много времени, но, к счастью, камни не были скользкими и все обошлось благополучно. После этой речки лес пошел березовый, с редкими елями.

Тут А.Б. поднял еще 3 куропатки и одну нашел и убил сидячей (весь зоб наполнен еловой хвоей и побегами черники?) Я тут же промазал по кукше. Было так болотисто, что мы едва нашли место для ночлега на высоком холме, под елью и, пока валили сухие деревья и таскали дрова, Пират поднял и угнал глухаря... На ночлеге собака поймала несколько леммингов у самого костра, попадались и мертвые, и перебежавшие живые. За день я видел одного, а А.Б. даже 5 штук. Дятлов за день не замечено, гаечек же много.

24 октября. Покинув место ночлега в 9 ч., в 11 ч. мы были уже в Коле, удачно переправившись на карбасе, пока вода еще не успела спасть. Дичи не встретили и дали только 2 пуделя пулей по гайкам. На берегу Пират нашел под камнями лемминга; мне удалось его два раза снять (F: 0,76, 1/10 с руки со штатива при полном отверствии). В наносах и на левом берегу довольно часто попадались трупы, но их я снять не успел, к сожалению. К моему немало-

му удивлению, работавший на опытном поле плотник оказался старым знакомым – Яковом Гуревичем! Вот уж никак нельзя было ожидать! В 15 ч. 30 м мы сели на поезд и к вечеру были в Хибинах, собрав по пеструшке небольшой материал в виде биологических наблюдений, расспросных сведений, около 10 экз. в формалине и 4 снимков.

27 октября. Температура неизменно стоит выше 0°С при пасмурном небе и южном ветре. Снег совершенно сошел, только на горах белеет пятнами. Пре-

дыдущие 2 дня мы сидели дома, а сегодня собрались на охоту, А.Б. пошел с собакой в лес, а я на горную станцию. Обходя вершину Нездюрлова с севера, поднял беляка, он отбежал недалеко и стал на задние лапки. Однако в прицеле полной уверенности не было, и я дал ему еще отбежать в лоцинку, тут подполз на 20 шагов и, лежа, пустил ему пулю в грудь, заяц сделал два прыжка и свалился, а для верности я пустил еще пулю в затылок. Потом, перейдя в Сорвановское ущелье, поднял я второго зайца. Но тут мне мешал увязавшийся Пират, и я должен был скрадывать зайца, попутно обманывая собаку, что было очень трудно. Поэтому я упустил его из вида, и потом неожиданно он выскочил в нескольких шагах и я рискнул выстрелить в бегущего, причем достиг относительного успеха: пуля попала в камни под грудь и подкинула щебенку под зайцем. Пират по-

Г.М. Крепс (1896-1944)

бежал вверх по следу.

Облака начинались ниже западного ущелья, т. ч. до станции я шел в тумане: там застал только второго наблюдателя Попова. У них легкий мороз. Осаждается изморозь. По пути назад, опять около вершины Нездюрлова, я видел вдали стайку около 15 экз. тундряных куропаток (*Lagopus mutus*), а кроме того, в разных местах около 5 одиночных пуночек (*Plectrophanes nivalis*), если прибавить еще синиц, голоса которых я слышал у верхней границы леса, то вот и вся фауна. Разумеется, заяц был совершенно белый. Охота А.Б. была менее удачна: он два раза по беляку (бегущему) и 1 раз ударил в глухаря, но мера была велика, и он ушел.

28 октября. Сегодня почти тихо (легкий южный), тепло, переменная облачность, временами солнечно, временами находят высоко кучевые или низкие слоистые облака, едва достигающие тундровой зоны гор.

Первый кордон Лапландского заповедника в Монче-губе. Лето 1930 года

Утром к нам приехал один из членов экспедиции (работающей на Имандре и Умбозере, гидролог) и мы втроем, без собаки, т. к. она захромала, пошли на охоту на Часночорр. По пути, где горелый лес весь вырублен и вывезен, попадались гачки. 1 экз. дятла (*Picus tridactylus?*) и один снегирь. Выше, в ельнике на склоне, замечены 4 кукушки, тут же Андрей Борисович нашел куропатку, ударил по сидячей, но она благополучно улетела, затем поднята Н.И., который промазал по ней влет. Тут мы разошлись, я прошел через облако и забрался довольно высоко, почти до области гольцов, но видел только двух пуночек, и то на лету, никаких следов беляка или куропаток не обнаружил. (А.Б. и Ник. Ив. нашли помет и зайцев и куропаток, кроме того, первый нашел перо ушастой совы (*Asio otus?*), а второй – змеиную шкурку (*Coluber berus?*) у берега Лутнерма-йока).

Спускаясь вниз, в том самом ельнике на гребне холма я поднял куропатку, прятавшуюся за елями, вторично поднял ее и точно заметил направление полета, ввиду чего мне удалось найти ее сидящей на бревне в позе голубя. Подкравшись за стволами сосны на 30 шагов, я сел, прицелился и промазал, но куропатка не улетела, хотя и забеспокоилась. Быстро вложив новый патрон, я приложился еще тщательнее и пулей в грудь навывлет уложил ее на месте. Это *Lagopus albus*, очевидно, та самая, по которой было дано 2 пуделя дробью. Размеры ее: размах – 65 см, длина – 40 см, крыло – 19,5 см.

Кстати, я измерил и *Nyctala tengmalmi*, убитую на Туломе 23 октября: размах – 60 см, длина – 26,5 см, крыло – 18 см и хвост – 10,5 см. М. пр. крылья и хвост этого вида я обнаружил на горной станции, от экз. убитого, очевидно, Агеевым, следова-

тельно, и здесь этот сыч распространен.

31 октября. Южный ветер отличается изумительным упорством при том же пасмурном небе и температуре немного выше 0°C. 20-го мы решили втроем поехать на охоту в Кислую губу, но из-за ветра вглубь губы не забирались, а остановились в небольшой бухте у наволока Переимок, километрах в 8 от нас: туда добраться было легко, т. к. ветер дул более или менее попутный, немного слева. В этот день Н.И. и я дичи совсем не видели (только несколько кукушек и синиц), но А.Б. взял одну белую куропатку, замеченную им еще сидячей, что облегчается теперь почти абсолютным отсутствием снега, а кроме того, поднял сам 2-х глухарей и 2 поднялись вдали под лающими собаками (2 петуха и 2 курицы) и, по его словам, глухари плохо сидели из-за ветра и не выдерживали соединенных усилий 2-х собак. Еще два раза собаки лаяли под пустым деревом. Однако ветер так разгулялся, что выбраться из бухты мы не смогли и вернулись ночевать. Н.И. нашел нечто вроде шалаша или берлоги, перед нею развели костер (ночью) и все туда забрались, однако ночью случился пожар, и вторую половину ночи мы провели кое-как. Вообще, положение было не блестящее: нет ни пищи, ни даже котелка, ни топора, ничего, кроме ружей и ножей, дичи также нет, а нас 5 ртов, поставленных в необходимость сидеть у моря и ждать погоды. Утром мы закусили куропаткой, изготовленной вполне оригинально Андреем Борисовичем: птицу выпотрошили, но не ощипали, вымочили в воде, начинили и обложили веточками можжевельника и елки, закопали в горячую золу и угли и сверху наложили дров: через час или полтора дичь была совершенно готова и от хвои приобрела особый при-

вкус, перья же даже не обуглились. Потом снова разошлись по наволоку, я пошел на восточный конец. Лес тут преимущественно еловый, немного березы, а на болотах и камнях – сосна. Внизу – багульник, черника, вороника (*Ledum*, *Vaccinium myrtilloides*, *Empetrum*) и различные мхи. Скоро я поднял копалу, потом заметил еще 4 подъема, б. ч. в ветвях, тогда я позвал Пирата и сейчас же потерял из-за этого куропатку; она сидела на полянке, и я не промазал бы, если б собака не кинулась к ней, почему я стрелял навскидку. Потом однако Пират подлаял копалу, я подбежал и, стоя, свалил ее пулей "считать ветки" ели, на которой она сидела. К этому времени (13 ч.), ветер несколько ослабел, и мы отправились домой, но все же нас так сносило, что мы прошли мимо острова Виловатого и пристали в 4 км от Хибин к каким-то баракам у линии ж.д., где и оставили карбас. По пути нам порядком досталось от волн, они поминутно захлестывали в лодку – и я больше всех вымок. Сегодня же идет дождь, и мы очень рады, что своевременно выбрались оттуда.

4 ноября. Первые дни ноября стоял мороз при неизбежном южном ветре, сегодня потеплело, земля оттаяла и идет дождь; 1-го ноября выпал ночью снег, утром временами прояснявалось, и вид гор был восхитителен. Мы отправились на охоту вдоль линии железной дороги на север. Первую дичь виденную нами – белую куропатку, поднятую Пиратом, в

конце концов убил А.Б. После того ничего не было, только на болоте (сосновый лес с вереском и голубикой на моховом покрове внизу) я поднял копалу.

Кроме того, попадались: – *Poecile borealis* (1 пудель), *Picoicles Fridactylus*, *Garrulus infaustus* и 2 раза – *Pyrrhala socieina*, причем один раз – самка. Видя, что дело не клеится, да и пошли все каменистые моренные холмы, большей частью вырубленные или с редкой сосной и елью – я повернул в горы и взобрался на холм (в пределах тундры). Там, на свежем снегу, скоро нашел след одной куропатки, затем в другом месте на меня налетели, свистя крыльями, 6-7 тундряных куропаток (*Lagopus mutus*), промелькнули их белоснежные фигуры с черными хвостами и мгновенно скрылись за камнями: я нашел их снова и услышал предостерегающее "кр-р-р-р...", но птиц заметил, когда они снялись.

Совершенно аналогичный казус случился в соседнем ущелье с парой *L. mutus*, потом, спускаясь по северному склону холма, нашел я свежие следы, спускавшиеся вниз, и по ним дошел до 3-х куропаток, заметив их шагах в 35 налево, но счастье изменило мне, пулей я только подбил одну, и она улетела, хотя и оставила пучок перьев и едва поспевала за остальными. Тут же в тундре видел я 3-х пуночек на лету. Андрей Борисович был счастливее и взял за день 4 белых куропаток (*Lagopus albus*), из них 2 на лету, но с глухарями и ему не повез-

Первый состав Лапландского заповедника, слева направо: А.С. Сергин, А.Б. Васильев, Г.М. Крепс, О.И. Семенов-Тянь-Шанский, Л.Г. Кокорин, Ф.К. Архипов. Фото 1932 года

ло, хотя и видел несколько штук: он ходил по лесу и зашел довольно далеко за Песчаный наволок.

2 ноября. Пришло письмо от Г.М. Крепса с очень тяжелыми известиями: Ферсман нашел этим летом на Монче-тундре руды (медную, никелевую и магнитный железняк), этой зимой начинается разведка и разработка и весь заповедник, плод его трудов в течение нескольких лет, рухнет, т. к. заселение и эксплуатация одной из основных частей территории заповедника повлечет быстрое исчезновение зверя. Поэтому Герман Михайлович принимает меры к скорейшей ликвидации кордона на Мончегубе и некоторые другие мероприятия. Вчера пришло письмо от папы с теми же сведениями.

Вчера утором ветер как будто утих, мы попытались пригнать карбас домой, но к этому времени ветер быстро усилился, и мы, проехав около одного километра, оставили лодку на берегу. Сегодня сыро, туманно, и мы только наготовили дров (таскаем с вырубки и пилим).

Размеры глухаря (*Tetrao urogallus*) от 30 октября следующие: размах – 102 см, длина – 64 см, крыло (по возможности выпрямленное, как я всегда делаю) – 30 см, хвост – 19 см, зоб совершенно пуст, в желудке гл. образом зерна кварца. Пуля попала в заднюю верхнюю часть грудной клетки на левом боку.

У *Lagopus albus* 28.10 в зобу немного ягод брусники и, по-видимому, незрелой голубики и вороники (или черники?) Пуля прошла поперек грудной клетки и задела сердце. Рулевые черные с белой вершинкой, едва заметной на крайних, более развитой у средних; оба средних пера, как и остальное оперение, чисто белые, у первостепенных маховых стволы с чернишкой.

6 ноября. Тепло, дождь идет при южном ветре. Горы (насколько видно под облаками) почти обнажились от снега. Вчера в 3 ч. приехал Герман Михайлович. В тот же день мы пригнали, наконец, баркас домой. Сегодня пристреливаем с Валентином

С п р а в к а .

Дана сия СЕМЕНОВУ-ТЯНЬ-ШАНСКОМУ О.И. в том, что он состоял наблюдателем на метеорологической станции Хибин - горная с 29/У по 20/Х 1930 года.

Зам. Заведывающего Отделом Станций : Андрианов /Д. Не здюрв/.

Управляющий Делами : Васильева /Васильева/.

Васильевичем винтовку и он переметил прицельную рамку, благодаря чему достигнут точный бой (а раньше пули ложились направо). Сегодня обмерил 2-х белых куропаток (*L. albus*) из числа убитых А.Б. 1 ноября.

Суббота 9 ноября. Продолжается опять та же северная погода, т. е. южный ветер и дождь при пасмурном небе. 7-го дождь шел беспрерывно и так заливал очки, что я даже не пошел на охоту, а А.Б. ходил весь день и принес 1 рябчика и 1 куропатку. Вчера мы вдвоем ходили по линии железной дороги на север, за Песчаный наволок, но достаточно неудачно: А.Б. взял 1 рябчика, а я только одну кукушу в 26 шагах, и оба мы по 1 разу промазали по *Lagopus albus*. Я видел 3 глухарей (один, именно последний, поднялся с ели, низко, вечером - вероятно копала), причем 2 поднял с сосен с одного места на расстоянии выстрела, затем 3-4 куропаток, одну заметил еще сидящей в траве, стрелял через траву и, по-видимому, попал в кочку или ствол, по крайней мере, вся стайка благополучно улетела, пока я доставал патроны. Кроме того, видел 3 кукуш и слышал гаечек. А.Б. видел тех же 2 глухарей; 2 тетер (1.09 он также наблюдал 1 тетеру), стаю около 12 штук куропаток (не подпускали на выстрел), 3 шт. одиночных куропаток, 1 рябчика, пару кукуш и гаечек. Забыл отметить в свое время, что 30.09, выходясь из Кислой губы, Николай Иванович Семенович и А.Б. Васильев видели черного с белым на крыльях нырка – на лету.

Сегодня мы занимались делами на почте, в лавке, наготовили дров, канцелярщиной и проч.

ПЕРВАЯ ЗИМА НА ЧУН-ОЗЕРЕ

14 ноября. Погода неизменно пасмурная, но 11 ноября был северный ветер весь день, к ночи – затихло, а на следующее утро опять подул южный. Все время стоит небольшой мороз и лежит снег, выпавший впервые в ночь на 8-е, и с тех пор за-

метно увеличивается, т. к. часто шел снег. 11-го мы произвели последние покупки в Хибинах, спустили на воду карбас заповедника "Гордый нос", а 12-го окончательно наполнили его и около 11 часов отчалили, направляясь в Чун-озеро; мы ехали втроем, а на другом карбасе "Кривой нос" еще раньше нас выехали 2 плотника, которые должны были достроить баню, сделать мебель и т.д. в доме.

От острова Избяного до Щучьего наволока мы шли под парусом, затем через всю Иокостровскую салму (пролив) – на веслах, а дальше до входа в залив Вочеламбина на парусах и веслах, т. к. ветер почти затих. В Вочеламбину мы попали, когда уже стемнело,

хотели ночевать в веже недалеко от входа в залив, но тут на воде оказалось сало и было опасно приставать, т. к. к утру мы могли основательно вмерзнуть – поэтому пришлось идти до р. Чуны, где стоит другая пустая вежа.

Вот тут мы и "влипли": надо было подняться несколько по реке, чтобы получить возможность пристать к правому берегу – в остальных местах слишком мелко, а подниматься надо по быстрине, по извилистому фарватеру, среди камней и в полном мраке. Дно поминутно задевало за камни и столь же часто мы садились на камнях.

В конце концов отступили и едва-едва подошли к берегу на несколько метров и вышли вброд почти до колена в воде. Затем нашли вежу, в которой плотники уже развели огонь, и устроились там на ночевку.

Олег Семенов-Тян-Шанский

Вежа представляет из себя усеченную пирамиду, построенную из распиленных пополам бревен и накрытую снаружи кусками дерна. Посередине разводится огонь, и дым выходит в среднее отверстие, вход в виде двери находится в одной из стен (основание постройки квадратное). После усиленной гребли весь день и особенно после вечерней борьбы с камнями нам удалось хорошо выспаться и отдохнуть.

15 ноября. Утром начали переправляться через пороги: меньший карбас "Кривой нос" прошел сравнительно легко, а "Гордый нос" мы разгрузили чуть не наполовину и перенесли вещи до Чун-озера, а самый карбас провели плотники и

Герман Михайлович, причем большую часть пути тянули его на веревке по-бурлацки. Зато после переправы и обеда в веже ветер подул свежий, и мы с шиком долетели на парусах до самого дома.

Кроме дома здесь еще 2 постройки – баня и вежа. Дом немного больше, чем на горной станции (раза в два), но гораздо комфортабельнее построен. Посредине – русская печь, сложенная из дикого камня, с плитой на шестке и камельком в углу: перегородка разделяет избу на кухню и комнату. В комнате 3 окна, 2 на юго-восток, одно на юго-запад (все на озеро), в кухне – 2 смежных – на северо-запад. В этот вечер мы только успели перенести вещи, напилить дров, истопить все 3 топки и кое-как устроиться. Начинается моя первая зимовка на Чун-озере в Лапландском заповеднике.

